

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1906. Т. 3. № 10. С. 161–176 (1-я пагин.).
(Продолжение.)

на торжищѣ смотритъ на царскій образъ и говоритъ, что изображаемое на картинѣ есть царь, тотъ не двухъ царей признаетъ, тоестъ образъ и того, чей образъ; и если указавъ на писаннаго на картинѣ скажетъ: „это царь“, не лишитъ первообразъ царскаго именования; вѣрнѣе же сказать, чрезъ признаніе образа подтверждаетъ честь, воздаваемую царю. Ибо если образъ—царь, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть царемъ тому, кто послужилъ причиной образа. Но здѣсь дерево и воскъ и искусство живописца производятъ образъ тлѣнный—подражаніе тлѣнному, и искусственный—подражаніе сотворенному. А тамъ, когда слышишь слово *образъ*, разумѣй *сіяніе славы*. Что же за сіяніе? И что за слава? Апостолъ самъ тотчасъ истолковалъ сіе, присовокупивъ: *и образъ ипостаси* (Евр. 1, 3). Разъ установленъ такой взглядъ на образы, по которому они имѣютъ подобіе во всемъ съ первообразами въ извѣстной мѣрѣ и извѣстнымъ способомъ, что неумѣстнаго будетъ, измѣняя порядокъ, сказать, что какъ поношеніе противъ Сына со стороны нечестивыхъ переходитъ на Отца, какъ первообразъ, такъ безчестіе наносимое искусственному образу Христа явно переходитъ на Христа, какъ первообразъ? Что можетъ быть яснѣе и очевиднѣе этихъ словъ для защищенія и укрѣпленія истины, праваго ученія и церковнаго священнаго преданія? Кто даже изъ неразумныхъ и тупыхъ не пойметъ, что богоносный отецъ искусственный образъ, о которомъ главнымъ образомъ и шла рѣчь, какъ сейчасъ сказано, приводитъ въ качествѣ подходящаго, понятнаго и удобнаго примѣра для раскрытія и разъясненія естественнаго образа въ божествѣ? Тотъ, кто полагаетъ, что это не такъ, какъ сейчасъ приведено и истолковано, далеку отъ мысли и намѣренія святаго

отца и въ полномъ непониманіи заблуждается касательно истиннаго смысла его словъ.

23. Но христорборцы, утаивая это и желая обмануть простецовъ, предполагають, что имъ удалось скрыть свою злобу и борьбу съ истиной. До того омрачились души ихъ, что даже ясно сказанное и многимъ извѣстное они хранятъ въ тайнѣ, откуда еще болѣе становится явнымъ ихъ злоумышленіе. Затѣмъ призовемъ равнаго этому святому отцу и по жизни и по взглядамъ Великаго Григорія, который въ своемъ богословіи утверждаетъ тоже о томъ же. „А образъ, говоритъ онъ, есть какъ бы единосущіе. И Сынъ отъ Отца, но не Отецъ отъ Него, ибо самая природа образа состоитъ въ томъ, чтобы быть подобіемъ первообраза, въ отношеніи къ которому онъ есть образъ. Но здѣсь болѣе, ибо тамъ неподвижный образъ подвижнаго человѣка, а здѣсь живой образъ живого, и болѣе подобенъ, чѣмъ Сиѡнъ Адаму или рождаемое рождающему. Ибо такова природа простого, что она не есть отчасти похожее, а отчасти непохожее, но всецѣлое отображеніе всего и скорѣе тождественно, чѣмъ подобно.“ Таковы слова отца. Что его мысль таже, это мы видимъ изъ слѣдующаго: сказавъ, что природа образа состоитъ въ томъ, чтобы быть подражаніемъ первообраза, онъ показываетъ, что ведетъ рѣчь о всякомъ образѣ вообще, чтобы такимъ образомъ найти искомое; ибо болѣе частное доказывается болѣе общимъ, и это есть самый главный и самый лучшій способъ доказательства. Слѣдующія его слова показываютъ, что онъ имѣетъ въ виду чувственный и искусственный образъ. Прибавивъ „но здѣсь болѣе“, онъ отмѣтилъ возвышенность предмета своей рѣчи, касающагося божества, посредствомъ сопоставленія отличивъ одно отъ другого. Присоединивъ

„тамъ неподвижный образъ подвижнаго человѣка, а здѣсь живой образъ живого,“ онъ тѣмъ выясняетъ, какое различіе между ними, и какъ бы говоритъ: особенность искусственнаго образа состоитъ въ томъ, что онъ есть неподвижный образъ подвижнаго, а свойство естественнаго образа то, что онъ есть живой образъ живого. Послѣ этого онъ дѣлаетъ сравненіе и самыхъ естественныхъ образовъ съ несравнимыми, прибавляя упоминаніе объ Адамѣ и Сиѣѣ и то, что говорится у него о природѣ простаго существа. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что богоносный отецъ устраняя изъ своего богословія все ему чуждое, ибо это богословіе далеко отъ всего такого, однако не отвергаетъ это рукотворное (чувственный образъ), а напротивъ какъ бы съ благоговѣніемъ принимаетъ его (для сравненія).

24. Богоносный Кириллъ, предстоятель великой Александріи и великій учитель, также присоединяется къ предшествующимъ и говоритъ съ ними, утверждая касательно нашего предмета слѣдующее: „какъ еслибы кто увидѣлъ хорошо написанную картину, подивился бы виду царя и его украшеніямъ и, при возможности наблюдать все это на картинѣ, пожелалъ бы видѣть самого царя, а картина ему сказала бы: видѣвшій меня видѣлъ царя,—и затѣмъ: я въ царѣ и царь во мнѣ по внѣшнему виду, картина совершенно представляетъ видъ царя, а царь удерживаетъ видъ картины. Такъ и Сынъ, когда говоритъ: *видѣвый мене видѣть Отца* и: *Азъ и Отецъ едино есма*. Слѣдуютъ ли иконоборцы этимъ словамъ или и да и нѣтъ, какъ подскажетъ имъ злой умыселъ дѣйствующаго въ нихъ бѣса? Если они желаютъ увѣрить насъ, что согласно словамъ учителя они считаютъ Сына единосущнымъ Родившему, какъ образъ

Отца, и исповѣдуютъ и чтутъ Его царемъ, воспринявшимъ нашъ обликъ, то согласно предложенному примѣру пусть поклоняются съ нами покланяемой иконѣ Его, которая какъ бы говоритъ: видѣвшій меня видѣлъ Царя всѣхъ Господа Іисуса Христа и Бога. Если же они этого не дѣлаютъ, то не считаютъ Сына единосущнымъ Отцу, лишаютъ Его царства и явно выказываютъ себя чуждыми этого царства и нашей вѣры.

25. Съ этими богомудрыми отцами пусть говорить глубокий богословъ и божественный учитель Діонисій. „Какъ приготовляя картину, живописецъ постоянно смотритъ на первообразъ, не отвлекаясь ничѣмъ видимымъ и не разсѣваясь, удвояетъ такъ сказать того, кого изображаетъ, и представляетъ истину въ подобіи, первообразъ въ образѣ, одного въ другомъ, кромѣ различія по существу: такъ добролюбивымъ живописцамъ въ умѣ постоянное и неуклонное созерцаніе чудной и тайной красоты даруетъ вѣрное и богоподобное изображеніе.“ Признаютъ-ли это сыны противленія и чтутъ-ли этихъ богослововъ? Допускаютъ-ли они, что существуютъ и чувственные иконы-образы? Исповѣдуютъ ли они описуемымъ умножаемаго (путемъ живописи)? Поклоняются-ли они одному видимому въ другомъ, разумѣя изображаемаго и изображеніе, какъ мы славимъ Христа и честную икону Христа? Илиже одно уничижаютъ въ другомъ, безчестятъ Христа въ иконѣ Его, а вмѣстѣ безчестятъ и священнаго учителя и тѣмъ убѣждаютъ насъ, что они нисколько не причастны сокровенной красотѣ, гнусны, скверны и чужды божественнаго образа?

26. Такъ дѣло представляется и Клименту Александрійскому, который въ сочиненіи „О законной

пасхѣ“ говоритъ: „какъ если бы чей образъ въ отсутствіе первообраза принималъ одинаковыя съ нимъ почести, и предъ лицомъ истины образъ освѣщается ею, ибо онъ пребываетъ ея подобіемъ и обозначаетъ истину.“ Таковы слова богоносныхъ отцовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что они говорятъ не ограничительно и не особо о такомъ-то образѣ или такой-то формѣ, но усвояютъ каждому образу просто (безотносительно) одно и тоже значеніе и силу и согласно утверждаютъ, что онъ имѣетъ отношеніе и сродство съ первообразомъ. Яснѣе это показываютъ слова Діонисія, хотя нѣкоторые отцы вслѣдствіе господствовавшего тогда обычая выставлѣть и воздавать поклоненіе изображеніямъ царей пользовались примѣромъ царя, какъ болѣе другихъ приличествующимъ царю царствующихъ и Господу всяческихъ, такъ какъ изъ всѣхъ достоинствъ на землѣ царское всѣхъ выше и превосходитъ. Такъ (дѣло представляется) и по ходу рѣчи, ибо земное, поскольку это возможно, открываетъ премірное, а болѣе низкое—болѣе возвышенное. А что совершаемое надъ образомъ восходитъ къ первообразу, это легко видѣть изъ священнаго Писанія.

27. Такъ нѣчто подобное желаетъ сказать исторія блаженнаго Самуила. Будучи общанъ Богу прежде рожденія боголюбивою матерію, онъ былъ посвященъ уже въ пеленахъ. Такимъ образомъ, сподобившись служить Богу, онъ былъ и образомъ божіимъ, какъ священникъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ то, что поется въ псалмахъ: *ты еси іерей по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4). Тому же научаетъ насъ гласъ премудраго Павла: *уподобленъ Сыну Божію, пребываетъ священникъ вѣну* (Евр. 7, 3). Итакъ, священствуя, Самуиль изображаетъ Бога. Когда Израильтяне увидѣли его старѣющимъ и возбудили важныя обвиненія

противъ его дѣтей, то пришли къ нему старѣйшины ихъ и потребовали поставить надъ ними царя, какъ это они видѣли у другихъ народовъ. Чтоже говорить (по этому поводу) Писаніе? Лукавымъ это требованіе справедливо показалось и самому пророку. А каковъ былъ отвѣтъ божественный? *Послушай, говоритъ Богъ всяческихъ, гласа людей, якоже глаголютъ къ тебѣ: яко не тебе уничижила, но мене уничижила* (1 Цар. 8, 7). Отсюда становится совершенно яснымъ, что поношеніе пророка, какъ человѣка, посвященнаго Богу и представлявшаго божество, какъ бы отъ образа перешло на Бога, какъ на первообразъ. Это мы знаемъ и по достовѣрнымъ описаніямъ Евангелій. Мы слышимъ въ Евангеліяхъ Спасителя Бога вѣщающаго божественнымъ ученикамъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мат. 10, 40). Соотвѣтственно этому, преступленія противъ церкви Христовой, учиняемыя надъ священными изображеніями и надъ предметами Богу принесенными и посвященными, переходятъ на самого Христа. И что же? Развѣ не гнѣвается и не негодуетъ на это Богъ? Конечно гнѣвается и весьма сильно, но отсрочиваетъ свой гнѣвъ какъ на древнихъ такъ и на теперешнихъ хулителей, хотя они презираютъ Его неизреченное долготерпѣніе и благость. Какъ не поймутъ безумцы, что приведенныя слова сказаны въ ихъ обличеніе? Надлежало, чтобы этимъ они были приведены къ постиженію истины.

28. Итакъ, что же нужно сказать? Если бы они не знали, что дѣло такъ обстоитъ у христіанъ теперь, то почему издревле изготовлявшіеся язычниками и предлагавшіеся для почитанія и поклоненія изображенія они считали скверными и гнусными? Съ божественною ревностію и всякимъ тщаніемъ христіане благочестиво ниспровергали и разрушали ихъ, пре-

давали ихъ огню и другими путями старались ихъ уничтожить. Почему они такъ дѣйствовали? Не по ненависти-ли и отвращенію къ богамъ, въ честь которыхъ были воздвигнуты изображенія? Съ другой стороны и язычники, когда хотѣли изготавить изображенія какихъ-либо лицъ, неразумно посвящали ихъ богоненавистнымъ, гнуснымъ, стяжавшимъ постыдную славу, или же совершившимъ въ жизни что либо похвальное и мужественное. Существовали также у язычниковъ изображенія чтимыхъ ими бѣсовъ, которыя можно назвать идолами, чудовищными созданіями, исполненными лжи. Разъ это такъ, то почему непозволительно воздавать почтеніе самимъ святынямъ по вѣрѣ въ первообразы и благоговѣнію къ нимъ, если только мы признаемъ ихъ достойными почтенія? Что честнѣе и достопокланяемѣе тѣла Господня, которое въ качествѣ причастія освящаетъ приѣмлющихъ его съ вѣрою, а будучи изображено исполняетъ благодати? Все это покланяемо и чтимо среди христіанъ вмѣстѣ съ другими святынями. Но нечестивцы на эти непрекаемые положенія возражаютъ; „язычники мыслили по язычески; это ихъ изобрѣтеніе; христіанамъ же дѣлать это непозволительно.“ Они не понимаютъ, что это говоритъ скорѣе противъ нихъ и напротивъ весьма свидѣтельствуется въ нашу пользу. Ибо почему христіанамъ не почитать христіанскихъ святынь? У язычниковъ все было исполнено лжи и обмана; наше же мы считаемъ и признаемъ истиннымъ и дѣйствительно совершеннымъ. Насколько истина выше лжи, настолько почитаніе нашихъ святынь должно быть ревностнѣе и теплѣе. Рѣчь о чувственныхъ образахъ имѣетъ такую достовѣрность или самодостовѣрность, что боговдохновенные отцы пользуются ею для изображенія и нагляднаго уясненія другихъ

вещей и между прочимъ—божественной, преестественной и высочайшей всего премірной природы. Итакъ, не въ приложеніи только къ Богу честь, воздаваемая иконѣ, восходитъ къ первообразу, но, какъ видно, и въ приложеніи ко всему, что изображается. А если это такъ, то достойно и должно, чтобы христіане воздавали честь иконамъ Христа и святыхъ, какъ досточтимымъ.

29. Если свойство подлежать изображенію приложимо къ вещамъ простымъ и несложнымъ, и если сущность и достоинство образа таковы, что онъ проявляется и въ божественной неизреченной природѣ и можетъ представлять и уяснять сыновнее и естественное отношеніе Сына, чрезъ которое Онъ, изображая Отца и по существу, пребываетъ для Него своимъ близкимъ, — то почему оно неприменимо къ сложному, т.-е. къ сложной ипостаси Христовой? Именно въ виду этого для насъ становятся понятнѣе и доступнѣе условія спасительнаго Его къ людямъ пришествія, ибо мы сами сложны, матеріальны, перстны, и вслѣдствіе этого нуждаемся въ матеріальномъ и чувственномъ, какъ привычномъ и близкомъ намъ, для яснѣйшаго изученія и руководствованія къ тому, что выше насъ. Если бы это было недопустимо, то славные вожди церкви не считали бы дозволеннымъ, не сдѣлали бы такихъ постановленій и опредѣленій и отвергли бы поклоненіе иконамъ. И зачѣмъ говорить о поклоненіи? Они не допустили бы совершенно изготовленія изображеній.

30. Изъ нихъ нѣкоторые даже сами воздвигали священные дома и устроили священныя кимеліи, гдѣ, какъ видимъ, они начертывали и писали изображенія. Такъ это было въ ихъ время. Даже опредѣленіями и божественными канонами они установили, что-

бы устроялись иконы Христа,—и скорѣе въ человѣческомъ видѣ, какъ болѣе близкомъ къ дѣйствительности, чѣмъ въ видѣ агнца. Этому мы можемъ научиться у древнихъ богомудрыхъ отцовъ, составившихъ шестой священный и святой соборъ, Презрѣвъ всѣхъ ихъ, нечестивцы обращаются къ главѣ безбожія нечестивому Евсевию и къ отцамъ, сочиненія которыхъ они извратили. Разжигаемые аппетитами безбожія, они собираютъ бредни изъ Манихейской и Аріанской грязи,—отдѣльныя мѣста и отрывки, исполненныя всякой скверны и нечистоты, (изъ писаній) такихъ изгнанныхъ изъ церковнаго сонма и съ давнихъ поръ лишенныхъ божественной славы, считавшихъ Христа неопикуемымъ, ровно какъ и чуждымъ и иносушнымъ въ отношеніи къ Родившему Его. Къ упомянутымъ мы прибавимъ Кирилла, защитника нашего дѣла и истины, и посмотримъ, куда приводятъ ихъ разсужденія объ образѣ. Для меня было странно, если бы они не отвергли этого святаго отца. Въ толкованіи на посланіе Апостола къ Римлянамъ онъ говоритъ слѣдующее: „Сына Своего, который родился отъ сѣмени Давида по плоти, нарекъ, говорить апостоль, Сыномъ Божиимъ въ силѣ, по Духу Святыни, чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ (Рим. 1, 3—4). И мы наречены сынами, но не въ силѣ, а удостоены сего званія по благодати; и только одною волею Бога Отца мы получили это благодѣяніе. Но съ Эммануиломъ не такъ. Хотя Онъ родился отъ сѣмени Давида по плоти и какъ одинъ изъ насъ считается Сыномъ Божиимъ по человѣчеству, однако Онъ есть сынъ по естеству въ силѣ и истинѣ; чрезъ Него всыновляемся и мы. И истинно говорится, что мы, обогатившись Духомъ Его во святомъ крещеніи, неукоризненно взываемъ къ Нему: *Авва Отче!* Итакъ,

въ какомъ отношеніи образы стоятъ къ первообразамъ, въ такомъ и мы, сыны по всыновленію, стоимъ къ Сыну по естеству, въ силѣ, истинно свидѣтельствуемому въ этомъ Отцомъ.“

31. Слѣдуетъ особенно отмѣтить, что примѣръ образа въ данномъ случаѣ приводится не какъ раньше въ приложеніи къ выясненію отношенія Сына къ Отцу, а для объясненія того, въ какомъ отношеніи мы сыны по усыновленію и благодати стоимъ къ Сыну по естеству и силѣ и для доказательства того, какимъ образомъ мы удостоились всыновленія; именно (мы стоимъ къ Сыну въ такомъ же отношеніи), какъ образы къ первообразамъ вообще и безъ ограниченія а не какъ образы того или иного лица или такого-то достоинства, напр. царскаго, какъ въ предыдущей рѣчи. А какъ относятся образы къ первообразамъ, объ этомъ говорятъ общія мнѣнія и взгляды, и въ этомъ согласны и единомысленны всѣ здравомыслящіе, ибо приобрѣли знаніе это отъ природы, безъ наученія. Итакъ, въ отношеніи къ Сыну по естеству, истинѣ и силѣ мы сыны по всыновленію; ибо всякій примѣръ берется какъ нѣчто хорошо извѣстное, дабы неясное и сложное получило достовѣрность и подтвержденіе изъ болѣе извѣстнаго и яснаго. Въ разбираемомъ случаѣ предполагается двойной способъ всыновленія Отцу. Адамъ есть и называется всыновленіемъ по естеству и истинѣ; этотъ способъ приложимъ къ Богу Сыну; точнѣе его надо бы назвать не всыновленіемъ а сыновствомъ. Другой способъ по усыновленію и благодати; онъ приложимъ къ намъ вѣрующимъ. Какъ же второй способъ относится къ первому? Какъ образы, говоритъ отецъ, къ первообразамъ. И *якоже облекохомся*, говоритъ апостольское изреченіе, *во образъ перстнаго, да облечемся*

во образъ небснаго (1 Кор. 15, 49). Это же говорить тотъ же самый блаженный Кириллъ въ другомъ мѣстѣ, разсуждая такъ: „Когда чувственный человѣкъ преклонился ко грѣху и по плотоугожденію занемогъ вкоренившимся въ него грѣхомъ, то тѣмъ самымъ онъ отложилъ отъ себя сообразность божественному образу и Духа, пребывавшаго на немъ на подобіе печати, и оказался тлѣннымъ и безобразнымъ. Но такъ какъ Творецъ всяческихъ восхотѣлъ возвести погибшаго въ начальное состояніе невинности и красоты, то Онъ снова послалъ удалившагося отъ него божественнаго и Святаго Духа, измѣняя такимъ образомъ человѣка по премірному образу и получивъ возможность чрезъ Него преобразовать насъ по своему подобію“. Но всего важнѣе то, что этотъ же учитель высказалъ, что Сынъ существуетъ въ образѣ Отца. Именно священное изреченіе отца гласитъ, что Онъ есть образъ и отображеніе Родившаго. Образы же суть какъ первообразы. Что можно сказать противъ этого? Развѣ иконоборцы не должны уйти отсюда обличенные и постыженные? Когда слово-образъ отецъ употребляетъ въ приложеніи къ божеству, онъ говоритъ, что Сынъ есть образъ Отца, согласно приведенному изреченію. Когда же дѣло касается иконъ вообще и только ихъ, онъ это отмѣчаетъ уясненіемъ при помощи множественнаго числа: „образы какъ первообразы“. Неужели безумцы будутъ и это слово (образы) понимать въ приложеніи къ божеству; допуская многихъ сыновей и отцовъ и признавая многобожіе? Не образъ, говоритъ отецъ, а образы, показывая этимъ подобіе и сходство.

32. Что можетъ быть яснѣе и очевиднѣе этого по занимающему намъ вопросу, если бы только не былъ ослѣпленъ до такой степени ихъ умъ и не было

столь омрочено ихъ духовное зрѣніе! Что же скажутъ на это чуждые божественнаго всыновленія? Неужели они въ состояніи смотрѣть прямо на столь яркій и ясный блеска истины? Неужели они противопоставятъ пустыя и скверныя бредни, изрыгаемыя нечистымъ и богоненавистнымъ сердцемъ? Принимаютъ-ли они эти божественныя слова или презираютъ учителя? Если не примутъ, то должны устранить себя изъ стада Христова. Если же примутъ, то необходимо одно изъ двухъ: или съ нами признать отношеніе образовъ къ первообразамъ и вмѣстѣ съ нами принять иконы Христа и святыхъ для поклоненія, или же если они не признаютъ этого взаимнаго отношенія и общенія, быть явно отстраненными отъ всыновленія, которымъ обогатились мы чрезъ Св. Духа въ божественномъ крещеніи, и сопричислиться съ іудеями и язычниками. Для нихъ упраздняется крещеніе; они перестаютъ быть существами по образу Творца и пребываютъ впредь отлученными отъ чадъ стада Христова. Таковы послѣдствія для несчастныхъ за поношеніе иконъ. По истинѣ въ виду всего этого можно дивиться, до какой степени безумія и тупости дошли они, имѣя и образъ мыслей соотвѣтствующій ихъ дѣяніямъ.

33. Они притворяются и ложно показываютъ себя почитателями образа Креста, но самую сущность, т. е. спасительныя страданія они отвергаютъ. Ибо какъ могъ Онъ страдать и быть распятымъ, если согласно ихъ нелѣпостямъ Онъ воспринялъ неопишемое тѣло? Что могло быть распространено на крестѣ и пронзено гвоздями? Какимъ образомъ входило въ тѣло остріе копья, если оно неопишимо? Или и здѣсь мракъ докетизма омрачилъ отверженныхъ? И въ самомъ дѣлѣ развѣ не отвержены тѣ, которые въ умственномъ и

духовномъ омраченіи болтають странности? Говорить хорошее они не умѣють, какъ люди злые и изъ дурнаго сокровища своего сердца выносящіе злое. Развѣ неясна ихъ извращенность изъ того, что будучи врагами Креста Христова, они съ одной стороны притворяются почитателями Креста, а съ другой ниспровергаютъ и разрушаютъ вмѣстѣ съ священными изображеніями самый первообразъ Креста?

34. Итакъ, что же говорятъ они, какія хитрыя и двусмысленныя изреченія приводятъ въ свое оправданіе? „Изображенію креста мы покланяемся ради Распятаго на немъ“. Безуміе и тупость ихъ совершенно ясны отсюда, ибо они гнушаются и презирають изображеніе освящающаго и въ тоже время дѣлають видъ, что почитаютъ изображеніе освящаемаго. Но какъ можетъ быть съ ихъ точки зрѣнія освящено изображеніе (Креста), если Христосъ на самомъ дѣлѣ не страдалъ тѣломъ? На эту несообразность и пустословіе не слѣдовало бы и отвѣчать. *Не отвѣщай безумному по безумію его* (Притч. 26, 4), поучаетъ насъ Писаніе. Но для подтвержденія и раскрытія истины и для укрѣпленія людей благочестивыхъ мы выскажемъ слѣдующее: мы признаемъ и исповѣдуемъ, что все, что существуетъ въ церкви, свято и освящено, и вслѣдствіе этого въ нашихъ глазахъ одинаково поклоняемо, почитаемо и честно, и ничего въ ней нѣтъ безславнаго и недостойнаго почтенія, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Для насъ-вѣрующихъ невозможно, а съ другой стороны и наставленія предстателей нашего ученія не допускають производить какихъ-либо различеній и изслѣдованій о томъ, что первое и что второе, что болѣе честно и что менѣе. Это невѣрные и нечестивые измыслили вопросы: поклоняться этому или нѣтъ, спасительно это или не

спасительно, это лучше или то? Это именно и вызываетъ крайнее невѣжество и безуміе занимающихся теперь такими вопросами. Ибо что отвѣтятъ они сказавшему: *уже убо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть вѣмъ повиненъ?* (Іак. 2, 10). Это относится къ дѣяніямъ подзаконнымъ, а тѣмъ болѣе къ нашей непорочной и чистой вѣрѣ. Итакъ, намъ невозможно вдаваться въ споры, потому что богоприлично изданныя законоположенія святыхъ отцовъ повелѣваютъ одинаково чтить всѣ святыни.

35. Однако въ виду любви къ спорамъ и безстыдства безумцевъ мы считаемъ необходимымъ обсудить это подробнѣе. Мы не отвергаемъ почитанія ни того, ни другого (креста и образа), но насколько требуется точностью изслѣдованія предмета, кратко представимъ, въ чемъ заключается превосходство одного изъ нихъ надъ другимъ. Итакъ, мы утверждаемъ, — начнемъ съ подобнаго, ибо это и есть икона:

а) Икона Христа есть Его подобіе, подобна Его тѣлу, даетъ намъ изображеніе Его тѣла, представляетъ Его видъ, показываетъ чрезъ подражаніе много изъ того, какъ Онъ дѣйствовалъ, училъ и страдалъ. Изображеніе же креста не даетъ подобія Его тѣла и не показываетъ ничего изъ упомянутаго. Подобное чему-либо ближе и сроднѣе неподобнаго, ибо дѣлаетъ его вслѣдствіе подобія съ нимъ болѣе очевиднымъ, а потому и болѣе чтимымъ. Итакъ, икона Христа, какъ болѣе сродная и болѣе ясно Его представляющая, честнѣе и досточтимѣе честнаго и досточтимаго изображенія Креста.

б) Затѣмъ икона Христа прямо и непосредственно при первомъ взглядѣ представляетъ намъ обликъ Его и вызываетъ въ памяти, потому что на ней мы видимъ, какъ въ зеркалѣ, самого изображаемаго. Съ

крестомъ же не такъ: взирая на крестъ, мы направляемъ умъ прежде на то, что предъ нами и потомъ уже уразумѣваемъ, что это такое, и соображаемъ, какъ онъ освященъ и къмъ, и такимъ образомъ къ Распятому и Освятившему его переходимъ уже во второй моментъ. Но переходящее къ чему-либо прямо и дѣлающее это что-то сразу очевиднымъ болѣе заслуживаетъ почитанія, чѣмъ то, что дѣлаетъ тоже не сразу. Посему икона Христа честнѣе честнаго креста.

Далѣе а) всѣ обладающіе здравымъ разумомъ признаютъ, что освящающее выше освящаемого. Безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется (Евр. 7, 7). Итакъ, тѣло Христово освятило крестъ, когда касалось его и было пригвождено на немъ, а освятивъ крестъ, оно чрезъ него сообщило освященіе и намъ. Но то, чего первообразы болѣе чтимы, и само болѣе чтимо. Такъ какъ и то и другое суть изобрѣтеніе и изображеніе креста чтимо: то и изображеніе тѣла, которое освятило крестъ, чтимо болѣе.

Потомъ з) изображеніе распростертыхъ рукъ Христа и вида Его честно. Но насколько тѣло превосходитъ очертаніе, настолько же разнится и то, что отъ нихъ происходитъ; ибо то, чего первообразъ честнѣе, и само болѣе честно. Очертаніе существуетъ для тѣла, равно и протяженіе, а не наоборотъ, тѣло существуетъ для очертанія. Тѣло есть субстанція, субстратъ; а очертаніе есть признакъ, свойство. Насколько субстанція выше признака (акциденціи) или насколько душа выше познанія, настолько тѣло выше очертанія. Тѣло есть и называется очертаемымъ; но никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что очертаніе тѣлесно. О тѣлѣ можно сказать, что оно имѣ-

еть цвѣтъ, но нельзя сказать: тѣло цвѣта или цвѣтъ имѣющій тѣло. Итакъ то, что принадлежитъ тѣлу, выше того, что свойственно очертанію. А если это такъ, то и изображеніе тѣла честнѣе изображенія очертанія (Креста).

Кромѣ того д) крестъ представляетъ намъ просто и однообразно страданіе Христа. Но людьми необразованными онъ едва ли можетъ быть принятъ за символъ страданія. Между тѣмъ священные изображенія представляютъ не только различные моменты страданія и описываютъ ихъ съ большими подробностями, но напечатлѣваютъ предъ нами также пространнѣе и яснѣе знаменія и чудеса, совершенныя Христомъ. Но то, что выказываетъ все это яснѣе и нагляднѣе, должно быть чтимо болѣе, чѣмъ то, что представляетъ тоже не столь ясно.

Сверхъ сего е) крестъ есть символъ страданія и обозначаетъ способъ, которымъ страдавшій перенесъ страданія; ибо что иное означаютъ слова: *возьми крестъ свой и слѣдуй за мною* (Матѣ. 16, 24), какъ не чело-вѣка, проникнутаго страхомъ Божиимъ, отринувшаго суету мірскую, готоваго претерпѣть все ради любви къ Господу? Также и носившій язвы Христовы на тѣлѣ своемъ и похвалявшійся страданіями Его апостоль говоритъ: *мнѣ же да не будетъ хвалиться токмо о Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14), и въ этихъ словахъ изображаетъ распятіе или страданіе Христа. Икона же есть отображеніе и подобіе самого Страдавшаго, которое представляетъ Его намъ болѣе приличествующимъ и достодолжнымъ образомъ, чѣмъ очертаніе креста, имѣющее ко Христу только внѣшнее отношеніе. Итакъ икона, представляющая намъ Самого Христа, досточестнѣе креста, показывающаго способъ страданія Его.